

Макурин Денис

Сказка-быль

Михайло Ломоносов

Небесное провидение

Русский Север хоть и находится на отшибе от центральной России, но и здесь цари частые гости были. Особенно Ивана Грозного да Петра Великого часто вспоминают. О Петре-то, конечно, летописи и письма преобладают. Вот об одном его пребывании я и расскажу.

Бывал в наших краях Пётр I не единожды, но первый раз был самый важный, он-то и сулил Холмогорской земле большие надежды.

Петр Великий держал долгий путь из Москвы да мимо Вологды. А в окружении его один боярин был, тот почесал свою седую бороду да и предложил:

– А может, Всемилостивый государь, посмотришь Кубенское море?

– Коли действительно море, отчего же не глянуть! – ответил царь.

Свита шхуну снарядила, царь с подданными на борт погрузился. Два дня в пути – всё море обошли. Наконец, матросы ветрила уронили, якоря отдали, сходни на пристань перекинули. Вышел Пётр на берег и говорит:

– Хороша лужа, да мелковата!

После Кубенского моря на Онего заскочили, там чуть больше под парусом ходили. И снова Пётр I недоволен остался:

– Шумлив Батюшко Онего, да за пять дней поддался!

Ну а в июле Пётр I до Архангельских земель добрался.

Побывал царь на Двине, пожил-погостил в походном дворце на Соломбале. Под парусом на двенадцатипушечной яхте "Святой Пётр" по Белому морю прошёл, триста вёрст отмахал, а конца и края не увидел, зато караван из сорока английских и голландских кораблей повстречал. Вернулся в город и довольный увиденным указ издал: «В костерезном и рисовательном художестве вы весьма преуспели! Рыбным промыслом и себя, и столицу накормили! В корабельном строительстве и в торговых делах с иноземцами

поднаторели! И ко всем остальным ремёслам особливую способность заимели! А посему повелеваю, дабы Отечество больше прежнего прославляли, богатства России приумножали, дела государевы к лучшему поправлены были: торговых и военных фрегатов и шхун на голландский манер боле, чем в двое строить!»

Правда, после взятия прибалтийских земель и строительства города на Неве, всенародно Петром I объявилось: «Город Архангельск в торговле стеснить, статуса международного торгового порта лишить, товары заграничных земель через Петербургские порта ввозить, а через город на Двине хлеба и прочих товаров не боле, чем потребно самой поморской столице оставить».

Поморы, конечно, народ незлобивый, царю вредящий указ давно простили. Да и не о том меня мои деды помнить просили. Ведь это именно на Севере зарождалась детище Петра – Молодая Россия.

В ту памятную поездку Пётр Великий не только «моря» да владения осматривал, он к своему духовному наставнику архиепископу Афанасию в Холмогоры заглядывал.

Встретили царя, как полагается, ещё на подходе. Проводили царскую яхту до пристани в Холмогорах, где Петра Великого встречала огромная толпа народа. Откушав хлеб-соль, Пётр I отправился в храм к владыке преподобному.

Архиепископ Афанасий был громогласным сказителем, учёным мужем, писателем, архиерейских палат и каменных храмов строителем. Он Петра в первую в России обсерваторию пригласил, где для изучения небесных тел телескоп установил. Располагалась она в колокольне при Преображенском соборе, и вот какую историю царю он там поведал:

– Ваше Высокопревосходительство, по данном мне от Бога видении, в газово-электрическом небесном свечении (что полярным сиянием описывают), берусь судить я о светлом будущем России. Сотворено сие знамение нашей стране во благо, так как русского люда находится во мраке и забвении не мало. Хочу вас, Пётр Алексеевич, уверовать – родится вскоре на Холмогорской земле алчущий учений книжник. Во всех науках вам самый рьяный сподвижник. Станет он ратовать о полезном для Отечества деле, будет грамотность воспевать, кою вы, милостивый государь, внедряете в народ наш доселе. Дабы русский народ величия, могущества и славы достигнул, будет оный сподвижник учить, пока каждый крестьянин элементарных наук не постигнет.

Так Афанасий Холмогорский мысль о развитии просвещения и о создании Академии наук у Петра утвердил. И через десять лет Пётр Великий Академию наук в Петербурге учредил.

Вот только в рождении сподвижника Петрова случилось умедление. Ломоносову Михаилу лишь четырнадцать лет исполнилось, когда Пётр Алексеевич вечным сном почил...

Предречение

Я шибко-то не настаиваю, что всё далее мною рассказанное былль и правда-правдашня (уж больно мало ведомо про времена тогдашние). Зато доподлинно известно, что родился Михайло Ломоносов на Беломорском Севере, близ села Холмогоры. О том и запись в церковной книге на Курострове имеется, и купель, в которой крестили Михайло, в тамошнем музее бережно хранится.

Младенец Миша только-только на свет Божий явился – отец Василий зыбку к потолку подвесил, сына в неё уложил да с силой качнул. Михайло на то лишь ручонкой махнул да во весь рот улыбнулся. Василий Дорофеевич к родне повернулся, скупую слезу смахнул и громогласно объявил:

– Ломоносовская порода! Ни шторма, ни качки не боится – знать славный мореход выправится!

Вот только с пророчеством Василий Дорофеевич лишко промахнулся, Михайло знаниями был одержим, к учению всю жизнь тянулся.

Конечно, пока Михайло новорожденный в зыбке лежал, то голос особо-то не подавал. Никогда не пищал, не бузил, не кряхтел – знай себе, тихо-тихо посапывал. А когда проснётся, то лишь в оконце украдкой на небо глядел. Ежели и надобно было чего, то он легонько ножкой подрывивал, при том сам ни гу-гу! С утра и до вечера, открыв рот, мамыны сказки, побасенки да былины слушал про Илью Муромца и Ягу.

Это в детстве, лет с четырёх, любознательность им овладела – до разной букашки, до малой травинки и всякой былинки ему вдруг настало дело.

Несмышлёный Михайло ухом к тропинке, бывало, прильнёт, как жизнь протекает в центре Земли слушает. Щекой к вековой сосне приложится, как тепло она отдаёт – чувствует.

По лужам после дождя непременно босиком побегают. Песок речной и камушки руками с любопытством потрогает. Клевер-кашку с удовольствием на вкус попробует.

Всё интересно было маленькому Мише, всё ново. Всё увиденное и услышанное обдумывал, запоминал каждое слово.

А всё от того, что как-то ночью к Михайло Большая Медведица с небес пришла, и вот, что она ему нашептала:

– Ты, Мишутка, на других-то особливо не смотри. Бери-ка книжки (арифметику и грамматику) да самолично, потайно буквы и цифры учи. Не будет тебе счастья ни в плотницком, ни в костерезном, ни в любом другом промысловом деле. Тебе предначертано изучить вещества, изобрести приборы, добраться до истин незримых доселе. Не твоей фамилии в голубую даль за радугой разноцветной смотреть и песни петь, но тебе её красу оценить и в стекле повторить. Ты, Мишутка, за солнцем, за льдами и паром особо следи! Много разных открытий тебя ждёт впереди!

С той ночи Михайло сам не свой сделался. Днём книжки украдкой читал, ночью звёзды на небе считал. Порой случалось, как примется вопросы задавать, как возьмётся округу пытаться, так ничем мальчонка не унять. Загадки одну за одной, будто горох сыплет:

– Тятя, пошто жемчуг в ракушке живёт? Пошто рыба соловьём не поёт? По какому такому закону молния в дерево бьёт? Отчего в морозные ночи по небу сиянье плывёт?

Ну разве сумеешь с таким любознательным сладить?

Сын собственных родителей

Ломоносовы по сословию были крестьяне, по месту обитания – двиняне. Всю жизнь кормились от моря. Вот отец Василий Дорофеевич, дабы от книжек сына отвадить и от арифметики отвлечь, решил его с малых лет к тресковым промыслам привлечь.

Увезёт, случалось, сына в море, учит там Михайло узлы вязать, под парусом ходить и рыбу добывать.

Только созвездие Большой Медведицы своего любимца и за тысячу вёрст от дома отыщет, перед сном, бывало, Михайлу вновь нашепчет:

– Осознай, Мишутка, даже в малом скрывается великое... Только ты придумаешь, как взвесить неуловимое. Это тебе доведётся вычислить неисчислимое. На твоём роду написано – осмыслить немислимое.

И снова Михайло за вопросы примется:

– Тятя, в небе звёзды это чьятость наверное? А до звёзд расстояние непомерное? Пошто вода в море солёная? Пошто каша от огня варёная?

Отец Василий Дорофеевич от сына лишь рукой отмахнётся.

– И в кого ты такой уродился! – незлобливо ругнётся.

– Сын собственных родителей, – Михайло в ответ улыбнётся.

В хозяйстве у Михаила всего ничего – две книги было. Да только «Граматику» Смотрицкого и «Арифметику» Магницкого к четырнадцати-то годам он до дыр зачитал. А потому, как только в родную деревню Мишанинскую Ломоносовы с промысла возвращались, Михайло дома ни на день не задерживался.

Скорым делом, бывало, помазом лодку просмолит, на воду свой карбасок спустит и в Холмогоры за новыми книгами в Архиерейские палаты поспешит.

Михайле в архиерейской библиотеке особливо псалтырь рифмованный Семеона Полоцкого нравился. Это из-за него он в будущем в столицу учиться отправится, дабы латынь в совершенстве знать и стихи достойно учёным мужам слагать.

Ну а там, в Архиерейских палатах, частенько было, Михайло и на ночь оставался: в обсерватории Афанасия Холмогорского звёздами в телескоп любовался. Перво-наперво, конечно, со своей крестной Большой Медведицей поздоровается, затем луной зачаруется, а уж после и другими созвездиями восхищается.

Всю-то ночь напролёт будет дальние планеты разглядывать. Есть ли на них атмосфера, как на Земле – пыливый ум его станет угадывать.

В Москву

До девятнадцати лет Михайло Ломоносов на Севере жил, всю свою юность с отцом под парусом в море ходил.

Да только не столько Михайло рыбу ловил, сколь за приливами и отливами поглядывал, думу думал о том, как Арктические льды на погоду влияют, как небесное светило теплоту с небес посылает.

Отец Василий Дорофеевич до последнего надежду питал, что сын преумножит его капитал и двумя лодьями за треской на Мурман ходить будет.

Только Михайло не за рыбой, а за ученьем по морям мотался, за неизведанным к чужим берегам с отцом отправлялся. И когда осознал, что ничего нового в путине для себя не откроет, что на будущий год от скуки и тоски он в море завоюет, твёрдо решил на отцовские уговоры боле не поддаваться! И пешком в Москву учиться отправился.

Три дня Михайло рыбный обоз по заснеженной дороге догонял. Три дня его декабрьский мороз домой разворачивал. И только Большая Медведица рядом с ним шагала, лишь она ему преданной спутницей была и на верный путь направляла.

Догнав рыбный обоз, Михайло у поморов спросил:

– Милостивые мужи, доброго здравия вам и быстрого по силам пути! Позвольте к вашему обозу присоединиться?

– Ступай, сынок! Рослый паря, как ты, в нелёгкой дороге всегда сгодится. Бывает, поможешь в урочный час от лихих людей отбиться!

Тут я должен сказать, в те года не только разбойники шибко лютые были – на санные обозы частенько и волки нападали, лошадей губили.

В том пути дважды случилось мужикам с серыми пообщаться. Дважды рыбой пришлось от волков откупаться.

Отбившись от волков, помор попутчика на розвальни усадил:

– Садись-ко, хлопец, как есть заслужил!

Потом он бороду почесал и спросил:

– А кака нужда тебя в таку дорогу гонит? Зимник-то наш така штука – любого схоронит.

– Учиться иду! Множество чево понять хочу! – Михайло ответил.

– Это зряшное, – крикнул помор в бороду. – Ты чай не сбредил?

Ломоносов от помора отвернулся, ворот у тулупа поднял и пробурчал:

– Бросьте, дядя, всё одно не отступлю!

– Нет, парень, как по мне, так пустое ты дело затеял!

– А долго-ль ещё до Москвы?! – отрезал Михайло.

– Не сумлевайся, через две недели аккурат поспеем.

Славяно-греко-латинской академия

Когда Михайло в Москве оказался, то перво-наперво слегка растерялся. В столице-то народу, как комарья в тёмном лесу (ну или звёзд на небе). А на Севере столь и днём с огнём не сыскать – все либо в поле, либо в море трудятся. Михайло, конечно, о таком явлении слышать слышал, но видеть не видал. Такое чувство у него было, что он на другую планету попал.

Первые два дня Михало жил прямо на улице. Ночевал в больших санях-розвальнях, что стояли в рыбном ряду Китай-города. Потом он академию разыскал, пришёл в Заиконоспасский монастырь на Никольской улице и вступительные испытания выдержал.

В Славяно-греко-латинскую академию Ломоносов легко поступил. Правда, ему слукавить пришлось: он выдал себя за сына холмогорского дворянина, одним словом – схитрил.

С ним за партами ученики много младше его самого сидели. Подтрунивали над Ломоносовым, конечно, «недотёпой», «дылдой», «переростком», «каланчой» дразнили.

Только и Михайло мог за себя постоять. Пудовым крестьянским кулаком, бывало, погрозит – разом весь класс замолчит.

Такую тишину преподаватели очень любили, к доске учеников приглашали или опрос по пройденному материалу проводили.

– Милостивый государь, студент Верёвкин, не желаете ли по философии ответить? – господин профессор у самого беспокойного спросит.

Класс тут же сочувственно и протяжно загудит:

– У-у-у-у!

А профессор тем временем студента к себе пригласит:

– Ну-с, благороднейший Верёвкин, попрошу к доске! Параграф номер семнадцать разверните-ка мне!

Верёвкин стоит у доски, с ноги на ногу переминается.

– Я не...Мне бе... – мямлил бедный Верёвкин, готовый сквозь землю в тот же миг провалиться.

В журнале профессор делал запись: «не знал урока», а второй рукой тянулся за вицей.

Ломоносов же в академии на отлично учился, из библиотек и день и ночь не вылезал. Профессора хвалили его, говорили: «Этот муж ума чудного уродился – во все науки аки клещ вцепился!»

Новых знаний течение

После трёхлетнего обучения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносова отправили в Петербург, где зачислили в студенты университета при Академии Наук.

Для Михайло город не имел никакого значения, лишь бы новых знаний не иссякало свежее течение.

Ломоносов ведь как рассуждал: «Родник буруном бьёт да струйкой журчащей к реке катится, а река Двина к морю Белому бежит, так и жизнь устроена: дьячок, что дома учил – ручей, Славяно-греко-латинская академия в Москве – река, ну а Петербург с её Академией Наук – бескрайнее синее море».

В Академии Михайло немецкий язык, экспериментальную физику и математику зубрил, да так усердно, что через год в Германию учиться направлен был.

И там, за границей, его вечной спутницей была Большая Медведица. Всё так же встречались они под покровом ночи, Михайло болтал ногами, сидя на крыше, и спрашивал Медведицу еле слышно:

– Пошто ель круглый год зелёная? Скажи мне, как и где зародилась наша Вселенная? Пошто ветра меняют своё направление? Сколько сил существует в природе и какое у них применение? А наш земной шар – это Бога творение?

Большая Медведица ему отвечала:

– Всеми есть конец и своё начало... На свете столько всего неразгаданного, что человечество в этом пропало. Думай думу о малых частицах – это и будет твоё орало.

Четыре года Михайло за границей учился, всё что мог разузнал и вновь в Петербург возвратился.

Вернувшись в Академию Наук, Ломоносов по химии и физике защитился (сразу же две диссертации написал, не поленился).

Не отпуская вожжи, Ломоносов с правлением университета сцепился.

– Устройте химическую лабораторию при Академии Наук! – на каждом собрании Михайло кричал.

И своего добился...

Химическая лаборатория

В конце концов под натиском Ломоносова химическая лаборатория в Академии Наук была построена. Конечно же, многих тревожных дней, бессонных ночей учёному Михайло Васильевичу эта битва стоила. Но всё же радость пела в Ломоносове соловьём: впервые за долгие годы ощутил Михайло небывалый доселе в науке подъём.

В ночь, как химическая лаборатория открылась, к Михайло Большая Медведица в гости явилась.

– Зри, Михайло, по-прежнему в небеса! Не зарывайся в книгах, мечтай, как и прежде, закрыв глаза. Особливо изучи небесное светило и его теплоту. Всё-всё на Земле благодаря ему. Это при помощи солнечной энергии всё живое и зарождается, и растёт, и движется... Не зря же языческие племена ему поклонялись, да и в божьих писаниях о нём не единожды упоминается. Без солнечного тепла питательная роса и благостный дождь не смогут снисходить на нивы, без него замёрзнут родники, быстрых рек течение погибнет, и даже великий океан в тысячелетний лёд превратится, а всё живое в прах и тлен обратится.

Михайло угрюмо молчал, каждое слово созвездия с толком внимал.

– Да-да, – Ломоносов с Медведицей всякий раз соглашался. – Спокойна буди о сём, благословенная! Изыщу и умножу знания о Вселенной я. К сему делу приложу превеликое усердие, а химическое искусство будет мне в том вспоможение.

Мозаичная фабрика

Сделав немало открытий, написав работу «О металлическом блеске», в тридцать четыре года Михайло Ломоносов становится профессором, но продолжает учиться и засиживается допоздна в библиотеке, читая старинные книги со свечкой.

Ещё через сколько-то лет императрица Елизавета Петровна дарит Михайло Васильевичу усадьбу в Усть-Рудица. Четыре окрестных деревни будут над проектом Ломоносова трудиться.

Недалеко от усадьбы крестьяне повалят лес и выстроят фабрику мозаики. Ломоносов соорудит в ней печь для выплавки разноцветного бисера и стекляруса.

Не одну тысячу опытов со стеклом и керамикой проведёт Михайло, пока не откроет секрет устойчивых и живописных цветов в мозаике.

Попутно он всё время выдумывал различные махины. При этом Ломоносов не отвлекался от прочих наук, продолжал изучать и другие дисциплины.

Пока строилась фабрика, Ломоносов через увеличительное стекло солнечную энергию добывал, во время затмения Венеры через телескоп разглядывал, а в грозы электричество с помощью громоотвода улавливал.

Когда мозаичная фабрика была построена, а стеклоделие на широкую ногу настроено и ученикам передано, Михайло с помощниками сложил самое знаменитое своё полотно «Полтавская битва».

А однажды он в своей лаборатории такой опыт провёл, что сам открытию подивился и, конечно, с учёными всего мира своими результатами поделился, да только на это его открытие обратили внимание лишь спустя столетие...

Закон сохранения вещества

Михайло Ломоносов хотел узнать прибавит или убавит в весе сожжённый материал. Он к заплавленным накрепко стеклянным сосудам придвинул чистый жар. Через какое-то время металл в колбах расплавился, и Михайло справедливо решил, раз материя изменилась (какая-то часть испарилась), то и вес убавился.

– Вот дела! – воскликнул Михайло. – Был металл и почти не осталось его, сгорел, расплавился без дыма и огня!

Взвесил Михайло Васильевич колбы, а вес прежний показался.

Так он до истины и допытался: бесследно ничего на Земле не растворяется. И ежели у одного тела отнимается, то столько же в другом месте появляется.

Петра Великого наследие

За свою жизнь Ломоносов объял всевозможные отрасли просвещения (историю, физику, механику, астрономию, химию, минералогию, философию). Проник до глубин каждой науки и добился мирового уважения к учёным русского происхождения.

Ломоносов Михаил Васильевич от своей мечты ни на миг не отступался, всегда лишь одну мысль в голове держал: «Не напрасно Пётр Великий для своих людей о науках старался!»

Михайло всю жизнь не мешать возрастанию наук, а наоборот приумножать да поддерживать замыслы и реформы Петра Великого пытался. Ратовал и боролся с иностранцами за то, чтобы русский крестьянин в лицах и университетах обучался.

Не раз при гонениях, при болезнях повторял: «За то терплю, что труды Петра Великого берегу!» Семилостивейший государь головы не жалел, чтобы русский человек поумнел, чтобы грамотным стал, чтобы книги, и не только церковные, с упоением читал. Вот и Ломоносов профессоров возвращивал, чтоб россияне своё достоинство показать и отстоять на любом поприще сумели, чтобы новые машины изобретали, открытия в науках делали и людей лечить могли.

Ломоносов сам химиком, астрономом, приборостроителем, географом, художником и поэтом был и студентов при университете всему, что знал, с охотою учил. Так всякому при встрече и говорил: «Университет без студентов, как пашня без семян – холодная земля да и только!»

Созвездие Большой Медведицы

А созвездие Большой Медведицы и триста лет спустя за Русским Севером приглядывает. Как и прежде под её неусыпным контролем почемучек и любознаек Архангельская земля взращивает.

Я совсем недавно поздно вечером в окошко видел, как Большая Медведица к моему юному соседу Ильюшке в гости заходила.

Они вышли на балкон и долго-долго тишину слушали. Потом она лапой в ночное небо указала и чуть слышно ему прошептала:

– Гляди, малыш, наша галактика миллиардами звёзд усыпана, а на Земле настолько же вопросов – откуда? зачем? почему? – до сих пор ещё не отвечено. Там в бесконечности нитями-струнами всё пронизано, у каждой планеты, как у человека, своя судьба в невидимой тетради расписана. Знаю, мой милый друг, ты откроешь секрет вечности. И есть ли в Солнечной системе девятая планета, наконец-то дашь ответ человечеству.